

Л. А. Молчанова

УДМУРТСКАЯ ОДЕЖДА В НАРОДНЫХ ОБРЯДАХ

В статье рассматривается роль традиционной одежды в обрядовой практике удмуртов. Способ ношения одежды, различные действия с её деталями и, особенно, семантика костюмных узоров говорят нам о неразрывной связи костюма и обрядового действия, о глубоком символическом смысле, который участники ритуала вкладывали в свои манипуляции с атрибутами костюма. Главный семейно-родовой культ удмуртов – это культ *воршуда*. Комплекс *воршуда* многопланов и многозначен. Он воплощен и в предметной среде, и в словесном творчестве, в молитвах и легендах, и в обрядовых действиях. *Воршудно*-родовое древо – высшая сакральная ценность удмуртов. В вышивках и украшениях костюма преобладают древесные символы. Вышитые деревья мы видим на *сюлыках*, поясах, головных полотенцах, на рукавах рубашек, на съёмных нагрудниках. Вся фигура женщины в костюме (и не только в удмуртской традиции) уподобляется Мировому древу. Костюм в традиционном обществе с его «магической» символикой неразрывно связан с обрядовой деятельностью, причем именно узоры костюма выступают как «проводники» человека к высшим силам природы. Особенно ясно это видится на примере костюмного орнамента удмуртов.

Ключевые слова: *воршуд*, родовое древо, обряд, вышивка, семантика, свадьба, *сюлык*, *кабачи*, *зар*.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-1-131-137

Все жизненно важные события в старину освящались религиозным обрядом. И все вещи в крестьянском быту непременно освящались узором. Одежда считалась живым продолжением человеческого тела, его неотъемлемой частью. Считалось, что жизненная сила заложена уже в самом материале, из которого шили одежду, в её цвете и, особенно, в узорах вышивки. Народный костюм, в первую очередь – праздничный, изначально был предназначен для отправления религиозных обрядов: ведь в традиционном обществе любой праздник – событие религиозное. Именно поэтому он так насыщен культовой символикой. Головные уборы удмуртских женщин, ритуальные пояса, вышивки рукавов и нагрудников и более ранние металлические украшения костюма содержат в себе массу магических символов и священных понятий.

Исследователи выделяют два стержня удмуртской религии: семейно-родовые и аграрные культы. Главный семейно-родовой культ – это культ *воршуда*. Комплекс *воршуда* – исключительное, уникальное явление духовной культуры удмуртов. Он воплощен и в предметной среде, и в словесном творчестве: молитвах и легендах, и в обрядовых действиях.

Воршуд – это удмуртский род, осознающий своё единство по имени его основательницы. *Воршудным* именем называлась и территория рода. В Удмуртии эти названия сохранились, все их знают. *Можга*, *Бодья*, *Юськи*, *Монья*, *Пурга* и др. Это все женские и одновременно тотемные имена [Атаманов–Эграпи 2017, 66].

В чем уникальность культа удмуртского *воршуда*? Поразительна глубина народной памяти: ведь *воршуд* сохранил нам древнейшие культы: почитание женщины – прародительницы и тотема. И ещё: *воршуд* позволяет нам понять происхождение такого значимого и универсального символа человечества, как Мировое древо. В самом начале истории, когда человеческий род ещё только формировался, каждый первобытный коллектив осознавал своё единство по матери, наделенной тотемным именем. И у каждого рода формировалось своё родовое древо, состоящее из поколений рождающих женщин, образующих как бы его ствол, тем самым обеспечивая бессмертие рода. Мировое древо – универсальный символ, это родовое древо человечества.

Цель статьи – показать значимость и сакральную ценность орнаментированных деталей женского традиционного костюма для носителей традиции.

Новизна работы – во введении в научный оборот термина *воршудно-родовая символика*, применяемого автором к орнаменту женской традиционной одежды удмуртов.

Актуальность исследования. Для времени, в котором мы живем, для начала третьего тысячелетия, характерен «плавильный котел» различных этнических культур, стремящихся выразить и утвердить свою идентичность. Этническая самоидентификация – единственный способ выжить во все бо-

лее глобализированном мире. Поэтому обращение к народному костюму, одному из важнейших маркеров этноса, с его знаковым комплексом, как неотъемлемой частью религиозного обряда, приобретает особую актуальность именно сегодня.

Метод нашего исследования – структурно-семиотический анализ. Впервые он был применен автором к изучению «полотняного фольклора» удмуртов в монографии «Удмуртский народный костюм. История и символика» (2006).

Степень изученности проблемы

Описание обрядового использования орнаментированных деталей женской одежды в XIX в. представлено в работах этнографов: А. И. Емельянова, Г. Е. Верещагина, Н. Г. Первухина, И. Васильева, С. Багина. Отчасти к этой проблеме обращались и современные ученые: Л. С. Христолюбова, В. Е. Владыкин, Т. Г. Владыкина, Л. А. Волкова, Г. А. Никитина. Существует ряд исследований, посвященных использованию одежды в народных обрядах мордвы, чувашей, обских угров; например: Т. А. Шигурова «Традиционный костюм мордвы в свадебных обычаях и обрядах» (2008); И. Г. Петров «Одежда в родинных обрядах чувашей» (2015); А. А. Богордаева «Сигнификативные функции одежды в традиционной обрядности обских угров». Вестн. Археологии, антропологии и этнографии. 2002. Вып.4. С.184–192. Однако на удмуртском материале специального исследования этой тематики не проводилось. Настоящая статья – попытка восполнить этот пробел.

Воршудно-родовая символика костюмного орнамента и её использование в обрядовой практике удмуртов

Все вышивки женского костюма пронизывает *воршудно*-родовая символика. Мы говорим о женском костюме, так как главной хранительницей языческого культа у удмуртов была именно женщина, и атрибуты её костюма активно использовались в обрядах. Об этом писали многие ученые-путешественники XVIII – XIX вв. [Паллас 1788; Верещагин 1889; Первухин 1888] и современные исследователи [Нечвалода 2018, 101–108; Салмин 2017, 106–118].

Итак, *воршудно*-родовое древо – это высшая сакральная ценность удмуртов. И действительно, в вышивках и украшениях костюма преобладают древесные символы. Вышитые деревья мы видим на *сюлыках*, поясах, головных полотенцах, на рукавах рубашек, на съёмных нагрудниках. Более того: вся фигура женщины в костюме (и не только в удмуртской традиции) уподобляется Мировому древу. В декоративном искусстве всех народов (без исключения) присутствует сюжет о Мировом древе. И повсюду образы древа и женщины взаимозаменяемы: женщина и есть Мировое древо, она и есть весь обитаемый космос и символ бессмертия рода. Эти представления восходят к глубокой древности. И если сюжет или символ универсальны, то корни его, его истоки следует искать в начале человеческой истории: в древних культурах. Женские статуэтки времен *неолита* красноречиво демонстрируют нам идею идентичности женщины и древа. На их чреве изображалось дерево. Разумеется, не просто как растение, а именно *родовое древо*, как *воршуд* у удмуртов. На женских статуэтках часто изображались поперечные полосы, идущие вверх одна над другой, как ступени *лестницы*. Известно, что лестница в небо – эквивалент Мирового древа, путь к богам [Элиаде 2014, 107]. Идея восхождения на небо по оси мира всеобщая и древняя. Известны бесчисленные примеры восхождения *шамана* на небо с помощью *лестницы*. Во многих древнеегипетских захоронениях были найдены амулеты, изображающие разные виды *лестниц*. Миф о восхождении *по лестнице на небо* известен в Африке, Океании, Латинской Америке. Это – универсальный сюжет. *Шаманская лестница* на небеса есть и у удмуртов. По сведениям В. Е. Владыкина, в отличие от обыкновенных лестниц «*тубат*», «*пагза*» имела особое название и вырубалась на стволах деревьев [Владыкин 1994, 220]. Поскольку магические функции – изначально прерогатива женщины, она и была той «лестницей» в небо, символом связи космических зон. Именно она в магическом обряде осуществляла связь с богами. И ступени лестниц изображались на её теле: сначала в виде раскраски и татуировки, затем в виде костюмных узоров. На культовых прорезных бляшках пермского звериного стиля на груди женского божества часто изображалась лестница (рис.). Авторами пермского звериного стиля считаются прикамские племена – предки удмуртов и коми [Грибова 1975]. В Прикамье археологи нашли в женских захоронениях металлические нагрудники со ступенями. Со временем узоры в виде *ступеней* лестницы «перекочевали» на одежду. В XIX в. в традиционном костюме косинских удмуртов символические *ступени* выполнялись аппликативно на «*шортдэремах*» по обеим сторонам центрального шва. *Ступени* есть и на съёмных воротниках к удмуртским женским

кафтанам с ложными рукавами. Узкие полосы «лестниц» вышивались на плечах женских рубашек северных удмуртов. Плетенные поперечные полосы, нашитые друг над другом – характерный элемент бесермянской нагрудной вышивки [Крюкова 1973, 36].

Рис. Трехчастная композиция пояса «зар», шумящих коньковых подвесок и культовых прорезных бляшек Пермского звериного стиля. Рис. автора.

В удмуртском женском костюме можно выделить три предмета одежды, обладающих особым семантическим статусом: это – нагрудник «кабачи», пояс «зар» и покрывало на «айшон» – *сюлык*.

Съемный нагрудник считается характерной деталью шаманского костюма у народов Сибири. В Волго-Камском регионе только удмурты сохранили его как типичную деталь женской одежды. Судя по археологическим материалам, ношение женщинами нагрудника – традиция в Прикамье очень давняя. Как удалось выяснить, типичный узор удмуртских «кабачи» – это фигура дерева, и часто от его оси слева и справа вверх отходят ступени [Молчанова 2006, 70, 74]. В основании древесной фигуры нагрудников всегда присутствует крупный *треугольник*.

Треугольник – древний женский знак, символ женской утробы, источника жизни и могилы одновременно [Мифы народов мира, 1994, т. 2]. Это плодотворящий низ, корни родового дерева. На русских вышивках он – в основании женской фигуры. На вышитой одежде хантов он – в основании стана рубахи. Если рассмотреть и сравнить хантыйское платье и узор нагрудников «кабачи», то обнаруживается поразительное сходство: только хантыйский узор крупный, он распластан по всему полю вышитой рубахи, – тогда как на удмуртских «кабачи» весь узор сконцентрирован на груди. Но схема его – та же. На женском хантыйском халате по обе стороны от центра обозначены *ступени* в виде нашитых друг над другом прямоугольников, а нижний треугольник разделен полами халата [Богордаева 2006, 202; Lehtinen 1979, 81].

Во время обрядового действия женщина-удмуртка обязательно должна быть в национальном костюме. И нагрудник с *воршудно*-родовой символикой – неотъемлемая его часть: у удмуртов он съемный и крепится на завязках. Однако, отдельных обрядовых действий с этим предметом одежды этнографы не зафиксировали, в отличие, например, от *сюлыка* или пояса *зар*. Существует свадебный нагрудник с узором «толзэ» – лунный. Без него нельзя было играть свадьбу. Нагрудник надевали, когда невесте меняли девичий наряд на женский.

Обратим внимание на трехчастную композицию, характерную для обрядового пояса «зар». Здесь вышивались три дерева: одно – крупное в центре и два поменьше по бокам (рис.). Так называемая «трехчастная композиция» – древнейший универсальный сюжет в декоративном искусстве и орнаменте [Буткевич 2004, 31]. В этой орнаментальной схеме центральный персонаж – женщина-дерево, её фланкируют самые разные животные, фантастические звери, птицы, всадники. Вышивка с таким сюжетом сопровождает свадебный обряд у всех народов Прикамья, присутствуя на женской свадебной одежде, на полотенцах, налобниках и платках.

Семантика этого узора проста. Родоначальница, племенное божество объединяет в свадебном обряде представителей двух родов в их тотемной ипостаси. Свадьба – главный обряд всей жизни в традиционном обществе.

И если в трехчастной композиции русской вышивки персонажи ясно читаются (кони, всадники, птицы, деревья, цветы), то удмуртский узор как бы зашифрован, геометричен. Деревья трехчастной композиции пояса «зар» состоят из треугольников, как из элементарных частиц. «Зар» – это свадебный пояс. Вся композиция делилась пополам, по оси центрального дерева и вышивалась на двух концах холста отдельно. Рисунок восстанавливался только в свадебном обряде, когда пояс завязывали на детородном чреве невесты. Два рода символически соединялись, и женщина была готова продолжить жизнь. Из археологических материалов известно, что удмуртские женщины носили в своем костюме шумящие коньковые подвески по обеим сторонам груди. На щитке подвески расположены две разнонаправленные конские головки, иногда между ними проступает женский силуэт. По сути это та же трехчастная композиция, только в металле (рис.).

Истоки этого сюжета Г. С. Маслова, исследовательница русской вышивки, видит, как она выражается, в чудских образках пермского звериного стиля [Маслова 1978, 156]. И, действительно, на культовых прорезных бляшках Пермского звериного стиля мы можем наблюдать как бы развернутую, более подробную, трехчастную композицию. В центре композиции какое-то демоническое женское божество с ногами-лапами или с руками-крыльями и лестницей на груди. По бокам её – не конские головки, а целые вертикальные ряды из лосиных голов, что говорит о многочисленности членов рода (рис.). В других случаях по бокам расположены шаманы в звероподобных головных уборах, представители 2-х родов поклоняются богине. Символика богини как Мирового дерева прочитывается на бляшках и в вертикальном членении. В верхнем ярусе мы видим солнце, птиц, небесных лосей и др. В центре – сама богиня. Нижний мир представлен хтоническими существами, пауками, ящером или разнонаправленными звериными головами [Грибова 1975, 98]. На одном из нагрудников «кабачи» XIX в. вышиты серебряной ниткой щитки коньковых подвесок с разнонаправленными конскими головками [Лебедева 2009, 10,21]. Кони – как бы в ветвях дерева. Интересно, что в древнеиндийском эпосе Мировое дерево называют *стоянкой для лошадей*.

О *сюлыке* – головном покрывале замужней удмуртки следует сказать особо. Его надевали на *айшон* – высокий берестяной колпак с кисточкой на конце, как его описывают этнографы XIX в. Вышивка *сюлыка* выполнялась особым способом и нигде больше не применялась. На поле платка по углам вышивали 4 древовидные фигуры, а пятую – в центре, наблюдаемую словно сверху [Лебедева 2009, 41]. Квадрат – четырехчастная модель мира, горизонталь Мирового дерева, четырехпокрывная матушка-земля. Такие композиции характерны для скифских алтарей, где между четырьмя символами по углам втыкался меч [Раевский 1985, 97]. Аналогичные сооружения встречаются на священных местах в шаманской практике народов Сибири.

Интересно, что женский платок-*сюлык* использовался как алтарь на родовых молениях удмуртов [Емельянов 1921, 103]. В начале дней летнего солнцестояния удмурты праздновали «*гершыд*» (суп плуга). Праздник длился несколько дней. И вот на 6-й день проводился обряд *йыбырттон* – поклонение. Самый значительный из всего цикла. В этот день жертвуется баран или овца. Затем жертвенная пища освящается и кладется на специальное устройство, именуемое «*вылэ мычон*» (вверх возносимое). Это 4-х угольное сооружение из столбиков и веток в виде стола, поверхность которого покрывается женским покрывалом *сюлык*. И всё это сооружение тоже называется *сюлык*. Жрецы над жертвенной пищей на *сюлыке* произносят молитвы-*куриськоны* и кланяются. После общей трапезы *вёсяси* у алтаря совершают коленопреклонение «*пидсаса йыбырттон*». Ветки от «*вылэ мычон*» сохранялись до следующего года.

На свадьбе в доме жениха над невестой проводили обряд надевания *айшона* («*виль кен изъыян*»). Переодевание невесты совершалось молодыми женщинами в *кеносе*. С неё снимали девичью *такью* и надевали *айшон* с покрывалом *сюлык*. Перед тем как надеть на невесту женский голов-

ной убор, он выкладывался на стол, и родственники со стороны жениха прикрепляли к нему как подарки различные подвески и монеты. Перед выводом переодетой невесты к гостям с её покрывалом совершали обряд «эктысь виль кен» – пляшущая молодуха. Под *сюлыком* по очереди плясали несколько женщин, и только после этого им покрывали невесту.

После свадьбы молодые совершали жертвоприношение и моление в *куале* для обеспечения семейного счастья – «*виль вӧсь*» (высшее жертвоприношение). Как пишет Г. Е. Верещагин, это моление продолжается в *куале* целый день, и, по местным верованиям, оно лучшее из всех жертвоприношений и празднеств. Молодая хозяйка по этому случаю печет пироги, а муж её идет в лес за пихтовыми ветками, которые ставят затем в передний угол *куалы*. Перед этими ветками полагаются жертвенная пища и женский головной убор – *сюлык*. После моления «*виль вӧсь*» молодуха начинает носить женский головной убор постоянно [Верещагин 1889, 92]. То есть здесь снова *сюлык* предстает как алтарь.

По свидетельству П. С. Палласа, женщина в своем высоком берестяном *айшоне* и спать ложилась, когда в доме гости, ибо перед чужими ни в коем случае нельзя было показываться без головного убора [Паллас 1788, 321].

По материалам этнографов, *айшон* жены жреца хранился как ритуальный предмет в родовом святилище «*куа*» и передавался из поколения в поколение до той поры, пока не истлеет. Ему приписывалась особая магическая сила [Крюкова 1973, 31; Molchanova 2017, 138–142].

Нужно заметить, что нередко в обрядах использовалась *чалма* – женский полотенчатый головной убор с вышитыми концами. Узор на *чалме* носит название «*куско*», что значит поясной или поясничной. Когда *чалма* повязывалась на голове, узор на концах полотенца действительно оказывался на поясице. Здесь мы снова видим трехъярусную Вселенную и дерево, произрастающее во всех трех мирах. Верхний и нижний представлены треугольниками, а средний земной мир – поставленным на угол квадратом. Представления о квадратной земле известны многим народам. Это средний мир, горизонталь Мирового дерева, обитаемая родовая территория.

На празднике встречи весны «*акашка*» устраивались скачки на лошадях и подарком победителю была *чалма* недавно вышедшей замуж молодой женщины.

По окончании полевых работ праздновался «*гербер*». В рамках этого праздника проводился обряд «*сялтым*». Девушек бросали в реку и они откупались чалмами.

Велика роль костюма в обрядовом ряжении. У славян, как и у удмуртов (*пӧртмаськон*), оно приурочивалось, как правило, к какому-либо христианскому празднику: святкам, масленице и др. Часто ряжение практиковалось на свадьбе. В Европе и в Латинской Америке регулярно проводятся карнавалы. Это универсальное явление, идущее из глубины веков, и суть его в том, что старое время, старый мир изнашивались, их ожидает распад, смерть. Силы жизни и плодородия на исходе, они умирают. И нужно довести работу хаоса до конца, лишь тогда может начаться новое творение, восстановление космоса из небытия. Этой концептуально-ритуальной схеме соответствуют действия всех участников обряда. Происходит выворачивание мира и его признаков наизнанку, превращение последнего – в первого; низа – в верх; раба – в господина; зла – в добро; смерти – в жизнь, мужчины – в женщину и др. Происходит формирование некоего «антимира» с изначальными характеристиками и «антиповедения» [Мифы народов мира 1994, 330].

У удмуртов есть обряд *йыр пьд сӧтон* – жертва-благодарение в честь умерших родителей, проводившийся в период зимнего солнцестояния. В этом обряде присутствуют элементы ряжения и «антиповедения». Кроме жертвы, в ходе обряда в особое лукошко собирались символические подарки умершим родителям. Дарили новую одежду миниатюрных размеров (как на куклу), иногда – платье и чалму, мужчине – рубаху и штаны. Порой одежду не сшивали, дарили лоскутки. В этом обряде полагалось веселиться и шуметь. Мужчины передевались женщинами, а женщины надевали мужскую одежду. Играли свадьбу наоборот. Умершему подбирали невесту, которую изображала старуха. «*Виль кенак*» (молодушка) одевалась в свадебный наряд, плакала и причитала как невеста на свадьбе. В конце празднования лукошко с подарками вешали на дерево, иногда вешали шкуру животного и специально сшитые рубаху или платье.

Таким образом, удмуртский материал, а именно изучение *воршудного* комплекса, дает понимание и проясняет суть многих общечеловеческих универсалий, такого, например, мифопоэтического символа, как Мировое дерево. Исследование костюма в обрядовой практике дает ключ к семантике его узоров, ибо вся орнаментация женской традиционной одежды сводится к символике Мирового дерева, а в удмуртской традиции – к *воршудно*-родовой символике. Активное использование деталей женской одежды в религиозных церемониях красноречиво «говорит» о том, что в прошлом женщина была главной хранительницей языческого культа, а предметы её одежды – сакральными атрибутами обрядов.

ЛИТЕРАТУРА

- Атаманов–Эгрань М. Г. Происхождение удмуртского народа: Монография. 2-е изд. доп. Ижевск: Удмуртия, 2017. 592 с.: ил.
- Богордаева А. А. Традиционный костюм обских угров. Новосибирск: Наука, 2006. 239 с.
- Буткевич Л. М. История орнамента: Учеб.пособ. М.: Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 2003. 272 с.: ил.
- Верещагин Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. Записки РГО. СПб., 1889. 200 с.
- Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.
- Грибова Л. С. Пермский звериный стиль: Проблемы семантики. М., Наука, 1975. 240 с.
- Гаген-Торн Н. И. Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу). М., 1951. 140 с.
- Емельянов А. И. Курс по этнографии вотяков: Остатки старинных верований и обрядов у вотяков. Казань, 1921. 215 с.
- Крюкова Т. А. Удмуртское народное изобразительное искусство. Ижевск–Ленинград, 1973. 159 с.
- Лебедева С. Х. Удмуртская народная вышивка. Ижевск: Удмуртия, 2009. 88 с.: ил.
- Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки (как историко-этнографический источник). М., 1978. 312 с.
- Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1,2. М., 1994. 1390 с.
- Молчанова Л. А. Удмуртский народный костюм (история и символика). Ижевск, 2006. 130 с.
- Нечвалода Е. Е. Традиционная женская одежда удмуртов в материалах экспедиции Шапп де, Отроша // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 13, вып. 1. С. 101–108.
- Паллас П. С. Путешествия по разным провинциям Российской империи. СПб., 1788. 481 с.
- Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда: В 5-ти эск. Вятка, 1888–1889. 260 с.
- Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М., 1985. 256 с.
- Салмин А. К. Свадебные платки во времени и пространстве // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11, Вып. 3. С. 106–118.
- Удмурты: историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993. 392 с.
- Элиаде М. Шаманизм. М.: Академический проект, 2014. 399 с.
- Molchanova L. A. Syulyk as a significant symbolic detail of the udmurt woman's image // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11, вып. 3. С. 138–142.
- Lehtinen I. Naisten korut Keski-Venäjällä ja Lansi-Siperiassa. Women's jewellery in Central Russia and Western Siberia. Helsinki, 1979. 209 p.

Поступила в редакцию 23.01.2020

Молчанова Людмила Анатольевна,
кандидат исторических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: lusmolchan@mail.ru

L. A. Molchanova

UDMURT CLOTHES IN TRADITIONAL CEREMONIES

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-1-131-137

This article discusses the role of traditional clothing in Udmurt ritual practices. The way garments are worn, the use of items and rites and, most of all, the semantics of costume patterns tell us about the inseparable connection between costumes and ritual ceremonies, and about the deep symbolic significance attributed to the costumes by the participants of the ritual. The main familial cult of the Udmurts is vorshood. The vorshood complex is multifaceted and polysemantic. It is embodied in the area, in poetry, in prayers, in legends and in rituals. The vorshood family tree has the highest sacral significance to Udmurts. Tree symbols prevail in items of embroidery and decorations. One can see embroidered trees on the *śulyks* (kerchiefs), belts, headscarves, sleeves of a shirt and on breastplates.

The holistic woman figure in the costume is compared to the world tree not only in the Udmurt traditions. The costume, with its 'magic' symbolism, in a traditional society is inseparable from ritual activities, whereas costume patterns act like 'guides' for human beings to the supreme powers of nature. It is vividly seen by the example of Udmurt costume ornaments.

Keywords: vorshood, family tree, ritual, embroidery, semantics, wedding, *śulyk*, breastplate, belt, kabachi, zar.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 1, pp. 131–137. In Russian.

REFERENCES

- Atamanov–E`grapi M. G.** *Proiskhozhdenie udmurtskogo naroda: Monografiya*. [The origin of the Udmurts] 2nd ed. Izhevsk, Udmurtiya publ., 2017. 592 p.: il. In Russian.
- Bogordaeva A. A.** *Traditsionny`i kost`yum obskikh ugrov*. [The traditional costume of the Ob-Ugric] Novosibirsk, Nauka Publ, 2006. 239 p. In Russian
- Butkevich L. M.** *Istori`ya ornamenta*. [The history of the ornament] *Ucheb.posob.* [Textbook] Moscow, Gumanit Centre VLADOS Publ., 2003. 272 p.: il. In Russian
- Vereshhagin G. E.** *Votyaki Sarapul`skogo uezda V`yatskoi gubernii*. [The Votyaks of the Sarapulskii county of the Vyatka province] *Zapiski RGO* [Notes RGO. St. Petersburg., 1889. 200 p. In Russian
- Vladykin V. E.** *Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov*. [The religious and mythological picture of the Udmurt world] Izhevsk, 1994. 384 p. In Russian
- Gribova L. S.** *Permskii zverinyi stil: Problemy semantiki*. [Perm beast style: Problems of semantics] Moscow, Science Publ., 1975. 240 p. In Russian
- Gagen-Torn N. I.** *Zhenskaya odezhda narodov Povolzh`ya* (material`y k e`tnogenezu) [Women clothes of the Volga region (materials for ethnogenesis)] Moscow, 1951. 140 p. In Russian
- Emel`yanov A. I.** *Kurs po e`tnografii vot`yakov: Ostatki starinnykh verovanii i obr`yadov u vot`yakov*. [Course on Votyak ethnography: The remains of the Votyaks' oldest beliefs and rites] Kazan, 1921. 215 p. In Russian
- Kryukova T. A.** *Udmurtskoe narodnoe izobrazitel`noe iskusstvo*. [Udmurt fine arts] Izhevsk - Leningrad., 1973. 159 p. In Russian
- Lebedeva S. X.** *Udmurtskaya narodna`ya vy`shivka*. [Udmurt folk embroidery] Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2009. 88 p. In Russian
- Maslova G. S.** *Ornament russko`i narodno`i vy`shivki (kak istoriko-e`tnograficheskii istochnik)*. [The ornament of Russian folk embroidery (as a historical and ethnographic source)] Moscow, 1978. 312 p. In Russian
- Mify narodov mira*. [The myths of the people of the world] *Entsyklopedia*. V. 1,2. Moscow, 1994. 1390 p.
- Molchanova L. A.** *Udmurtskii narodnyi kost`yum (istoriya i simbolika)* [Udmurt folk costumes (history and symbols)] Izhevsk, 2006. 130 p. In Russian
- Nechvaloda E. E.** *Tradicionnaya zhenskaya odezhda udmurtov v materialakh e`kspedicii Shapp de,Otrosha. Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovani*. [Udmurt traditional women's clothes in the materials of the Shapp de Otrosh expedition [Yearbook of Finno-Ugric Studies] V 13. no.1. Izhevsk, Udmurtskii Universitet, Publ. 2018. pp. 101–108. In Russian
- Pallas P. S.** *Puteshestviy`a po razny`m provintsiyam Rossiiskoi imperii*. [Travelling around various provinces of the Russian Empire] St Petersburg., 1788. 481 p. In Russian
- Pervuxin N. G.** *E`skizy predanii by`ta inorodtsev Glazovskogo uezda*. [Sketches of life traditions of the foreigners in Glazov county] B 5-T Esq. Vyatka, 1888-1889. 260 p. In Russian
- Raevskii D. S.** *Model mira skifskoi kultury*. [The model of the world according to the Scythian culture] Moscow, 1985. 256 p. In Russian
- Salmin A. K.** *Svadebnye platki vo vremeni i prostranstve*. [Wedding shawls in time and space] *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovani*. [Yearbook of Finno-Ugric Studies] V 11. no. 3. Izhevsk: Udmurtskii universitet, Publ., 2017. pp. 106–118. In Russian
- Udmurty`: istoriko-e`tnograficheskie ocherki*. [The Udmurts: historical and ethnographical feature articles] Izhevsk, 1993. 392 p. In Russian
- E`liade M.** *Shamanizm*. [Shamanism] Moscow, Academic proiect Publ., 2014. 399 p. In Russian
- Molchanova L. A.** *Syulyk as a significant symbolic detail of the udmurt woman's image. Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovani*. [Yearbook of Finno-Ugric Studies] V 11. no. 3. Izhevsk.: Udmurtskii universitet, Publ., 2017. pp. 138–142. In English
- Ildikó Lehtinen.** *Lehtinen. Naisten korut Keski-Venäjällä ja Lansi–Siperiassa. Women's jewellery in Central Russia and Western Siberia*. Helsinki, 1979. 209 p. In Finnish

Received 23.01.2020

Molchanova Lyudmila Anatolyevna,
Candidate of History, Associate Professor,
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: lusmolchan@mail.ru